

Покровская Ирина Дмитриевна

Об архиве семьи Голашевских

Расшифровка второй аудиозаписи (2-ws311734.mp3)
из интервью от 7 мая 2018 г.

Записал В. Ханевич.

Расшифровку сделала Е. Белова (28.01.2024)

- Меня зовут Ирина Дмитриевна Покровская. Я – томичка, и томичка в четвертом или пятом поколении. Семья моя переехала в Томск, по-моему, в [19]12 году, либо в [19]06, либо в [19]12 году. Поскольку прадед Кирилл Ильич Замараев был доцентом, по-моему, или, может быть, ассистент-профессором в Томском Политехническом Институте. Соответственно, семья жила в квартирах Политехнического Института, в Химкорпусе, с момента переезда.
- Ирина Дмитриевна, мы с вами уже второй раз встречаемся за последние вот эти годы, и нас свела судьба [через] **архив Голашевского Станислава Викторовича**, доцента Политехнического Института, репрессированного в 1937 году. Получилось так, что вы храните часть вот этого семейного архива Голашевских. Расскажите, что это за документы, и вообще, как они к вам попали. Что по этим документам, по воспоминаниям вашего прадеда, сохранившимся, что вообще это за семья была Голашевских в Томске? Нина Цезаревна и Станислав Викторович.
- Ну, насколько я понимаю, и вы, наверное, знаете лучше по описям в ваших документах, Станислав Голашевский был сотрудником Политехнического Института. А с частной точки зрения семья Голашевских, сам он и его жена Нина Цезаревна, очень близко дружили с семьей моего прадеда Кирилла Ильича Замораева. И эта дружба потом сохранилась с последующими поколениями.

Естественно, Станислава Голашевского я сама не знала, но я видела много фотографий, где просто сфотографированы, вот эти массовые, большие, общие фотографии сотрудников и студентов института, и какие-то небольшие камерные фотографии сотрудников института вокруг стола, или в цехах, или вокруг оборудования.

То есть Голашевского по лицу я всегда знала, а с Ниной Цезаревной мы дружили, и дружили не только мои бабушка, то есть прадед, его дочь Ирина Кирилловна Замораева, которая осталась жить в Томске, в той же самой квартире, где родилась потом моя мама - Татьяна Федоровна Покровская.

Вот эти все три поколения они дружили с Ниной Цезаревной и поддерживали ее. Нина Цезаревна работала, по-моему, секретарем, если я правильно это говорю, и после ареста Станислава она была в очень тяжелом состоянии. Она, по-моему,

несколько лет не работала, я точно не знаю, и она не выходила из дома, это я знаю точно. Она за пределы своего двора не выходила на улицу. Вот этот весь арест она переживала очень тяжело, поэтому семья ее поддерживала.

А я ее знаю по своему детству, потому что я со своими родителями, Татьяной Федоровной Покровской и Дмитрием Сергеевичем Покровским, мы ходили регулярно к ней в дом. Это была, по-моему, проходная, совершенно маленькая комната с покосившимся полом в деревянном доме, который стоял на углу Усова и Белинского.

Дом был, насколько я помню, крепкий, но страшно покосившийся. Нина Цезаревна занимала маленькую проходную комнату с большой русской печью, там в этой комнате стояла только ее кровать, маленькое окно и рядом обеденный стол узкий, и все. Дальше жила хозяйка этого дома, Татьяна Яковлевна, фамилию я ее не помню. А двор был заросший совершенно дикой сиренью, то есть не было видно белого света, вот через эти заросли сиреней нужно было пройти, чтобы подняться на такое кривоватое высокое крыльцо и попасть в ее эту проходную комнату. Снаружи дом был обнесен старым деревянным забором и есть фотография, где мы стоим около забора. Выходить, как я уже говорила, из дома она не любила.

— Она была туда поселена уже после ареста мужа?

— Да, мне кажется, что да. Это была какая-то съемная квартира. А до этого, мне кажется, они жили в корпусах там, где жили Бутаковы. Если я не сочиняю, но это нужно уточнить. Вот это не точно...

К Нине Цезаревне мы ходили всегда на праздники, она нас ждала, мы были практически членами ее семьи. Вот когда я получила архив, большей частью архива были фотографии ее приятельниц, которых я уже не знаю, и разных маленьких кудрявых детей. Ведь у них не было своих детей, у нее жизнь была полностью разрушена. И когда я увидела вот эту часть архива, это, конечно, психологически очень подавляет, потому что человек жил чужими вот этими образами.

И меня, в этом смысле, она очень любила. Она выращивала для меня на подоконнике, я помню, лук, луковицы в баночках с водой, и перьями этого лука кормили меня. Нина Цезаревна была очень маленькая, миниатюрная женщина, кольцо ее обручальное, которое, к сожалению, у нас украли... Ну, вот жизнь, да... Я не могла его надеть на мизинец. Миниатюрная маленькая ножка, миниатюрные ручки, невысокая, к старости она сильно сгорбилась, всегда улыбчивая, седые волосы в пучке. Она совершенно бесподобно готовила торт Наполеон и очень мелко-мелко и аккуратно резала салат Оливье. Вот это были блюда, которыми она меня встречала. Вот это мои детские воспоминания [о ней], впечатления. Потом этот дом сгорел, и она получила квартиру однокомнатную на Каштаке. И до ее смерти о ней заботились Замораевы, и мы иногда заходили тоже. То есть, связь это все время поддерживалась.

Архив. Поскольку жизнь вся протекала все время в пределах вот этой маленькой проходной комнаты, то все, что было важным для нее, там сохранилось. И в прошлом

году от Замараевых я получила пару небольших пакетов с документами, где был альбом с фотографиями, детскими фотографиями и членами ее семьи.

Голашевского, наверное, там было не так много, но это все еще можно уточнить. В частности, этот архив был интересен тем, что там было много оригинальных справок, выписок, там была справка об аресте, там были ответы на ее запросы в тюрьмы Томске, когда она узнавала о его судьбе. И в справках говорилось, что такого арестованного у нас не было, и такого умершего у нас не было. Там было несколько писем, написанных братьями Станислава, которые пытались найти своего [брата]. Сначала они надеялись найти пропавшего брата [живым], а потом -уже умершего.

И они писали Нине Цезаревне, чтобы узнать о его судьбе, но Нина Цезаревна не отвечала, поскольку обстановка была многие годы неблагоприятная, и люди боялись писать, это абсолютно понятно.

В частности, там была в этом архиве большая анкета, которую я вам передала, которая абсолютно каллиграфическая. У меня два экземпляра этой анкеты. Я понимала, что это оригиналы, но я не могла увидеть разницы. Каллиграфическим почерком были написаны детали жизни, названные имена семьи, место жительства, образование. Когда я прочитала эту анкету, у меня улучшилось значительно настроение, и я поняла, что не все факты растворились во времени, потому что сейчас спросить, конечно, не у кого... Вот такие мои впечатления.

- Я уже говорил о том, что далеко не всегда есть люди, которые так бережно относятся к архивам, семейным архивам. А это, в общем-то, архивы чужой семьи, но они для вас получается стали как частью тоже семейного архива, да?
- Конечно. К Нине Цезаревне в семье Замараевых относились как к члену семьи. Я думаю, она была не просто женой коллеги, а действительно близким человеком. Естественно, ее жизненная ситуация тоже усугубила, укрепила эту дружбу.
- А скончалась она, не помните, в какие годы? В 70-е?
- Да, наверное.
- В 70-е годы. И похоронена на кладбище Бахтина.
- Да, да. Не в 80-е.
- А по ее линии тоже никаких родственников не было, да? Я знаю, что она урожденная Сулиман-Грудзинская, в девичестве была.
- Я не знаю никакой информации о семье. Я всегда воспринимала ее как одинокого человека, без родственников. Я никогда не слышала ни о каких ее родственниках.

— Спасибо вам большое за то, что и архив храните, и за интервью тоже спасибо.

— Да, конечно. Мне приятно быть полезной.